

В лучах восходящего солнца падают капли. Капли падают с деревянной доски зашивки стрехи соломенной крыши. Из волокового оконца выбивается дымок. Немного покосившаяся хата с завалинкой (простая подсыпка), высоким крыльцом, открытой маленькой дверью.

Маленькие, в ладонь высотой окна с «засовками». Двор, огороженный частью плетнем, а частью — частоколом (там, где он выходит на улицу). На частоколе — белорусские «постилки» и рогожи. Сарай, раскрытые ворота — «вешницы». Голые мокрые кусты с большими почками.

Солнце блеснуло, спряталось за тучу. Весеннее хмурое утро. Крики галок, запахи поля, слегка колышутся тонкие ветки берез.

Еще хаты, крытые соломой и лубом, хлева, грязная улица, с двух сторон — частоколы, кое-где разломанные, деревянные тротуары — «мосты», труп лошади с задранными копытами. Галки и вороны стаями кружат в небе.

Спуск к реке, перевернутые челны на берегу, на тропинке — брошенное коромысло с одним деревянным ведром. Низкие тучи отражаются в темной, уже поднявшейся воде. Упругие струи гнут полузатопленные прибрежные кусты. На другом берегу реки неровная линия леса.

Догорающая небольшая постройка, посередине — остов «черной» печи, разбросанные черные остатки бревен. Куры, гуляющие по улице, на «мосту» валяется кусок белой ткани.

Еще одна улица, куча рухляди: дежки, белорусские «цебары», «кублы» без крышек, какие-то рогожи, колесо, телеги с задранными вверх оглоблями, запряженные, нагруженные и пустые телеги. Люди — мужчины в подпоясанных кожухах, у многих топоры за поясом. Те, что не заняты с лошадьми, смотрят в одну сторону. Некоторые забрались на телеги.

Перед последним рядом дворов «окольного города», на чистом месте строй пеших воинов с луками. В задних рядах — лес копий. Больше двух сотен конных копейщи-

ков. Посредине — знамя с ликом Св. Михаила. На упряжи лошадей большие металлические защитные бляхи, поводья сделаны в виде широких кожаных защитных фартуков с зубцами. Всадники держат шлемы в руках.

Все смотрят на «град» скрытый за валом и стеной. От него до «окольного города» метров 250—300. Настил моста, ведущего через ров к воротам, частично разобран.

На «заборолах» стены града вооруженные люди смотрят на дружину у «окольного города».

Снова конная дружина. Вокруг знамени группа «старших».

Разговор:

— Убьют тебя, не ходи.

— Я пойду, я им сам скажу!

— Не ходи!

Один из всадников в меховом колпачке с красным верхом передает другому свой шлем с золотой инкрустацией. Блестят доспехи и ременные бляхи. Лицо — подобное тем, которые рисует художник Глазунов.

Конь, махнув хвостом, уносит всадника ближе к стене. Вьется плащ. В этот момент за стеной ударяет колокол. Лучники на забороле присели под бруствером, приготовились стрелять. Арбалетчики крутят рукояти взвода тетивы арбалетов. На «затинном» пространстве горят костры с котлами. Много хмурых людей. На воротную башню спешно поднимается руководитель обороны с двумя воинами. В этот момент всадник без шлема, подскакав ближе ко рву, кричит, подняв руку:

— Вы мой город! Покоритесь! Я ваш князь! Так решили все князья! Покоритесь!

Арбалетчики на стене целят в пляшущего на лошади всадника. Злые лица. Разговор: «А Ходоту убил!» «Сам хуже поганого».

Начальник обороны поднялся на башню, кричит: «Без приказа не стрелять!» В этот момент один из арбалетчиков, выцелив постоянно прыгающего туда-сюда князя, нажимает на спуск.

Стрела попадает тому в шею. Бьет колокол. Князь запрокидывается на спину. От группы всадников отделяются несколько человек и змейкой, прикрывшись щитами, с разных сторон скачут к князю. Бьет колокол, стреляют лучники с заборол. В дружине замешательство.

Князь на руках дружинников. Стрелу ломают, вытаскивают (князь громко стонет), пытаются унять кровь.

Раненый оглядывает всех, тяжело говорит:

— Я хотел как лучше. Теперь все ваше.

Дружинники значительно переглядываются между собой. Лицо старшего из них меняет выражение, становится властным. Старший кричит: «Строиться!»

Убыстряющееся действие. Трубит один рог, через секунду — другой. Молодые «отроки» несут на носилках князя. Один из них пытается надеть на голову князю красный меховой колпак, но затем просто кладет шапку в носилки. Вокруг водоворот людей и помощников, и просто любопытных.

Во граде бьет набат. Конная дружина с копьями выстраивается в три линии. Шлемы в руках. Суетливо с двух сторон дружины строится пехота: лучники впереди, копейщики сзади. Вновь кричит старший: «Стрелки вперед!» С двух сторон дружины трубят два рога.

Обходя конников справа и слева, бегут лучники, перестраиваясь на ходу в редкую цепь. У каждого два колчана за спиной. Лучников прикрывают щитники. За лучниками бегут копейщики, выстраиваются в шеренгу.

Мужики с топорами, кольями и веревками валят частоколы «окольного города», рушат хаты. Бревна, брусья, доски бегом несут к настилу не до конца разрушенного моста. По ним стреляют со стен и с башни. Цепь стрелков старается помешать противнику целиться. К цепи бегут еще стрелки и начинают бить горящими стрелами.

Ясный солнечный день в конце февраля — начале марта. Городские улицы и площади заполнены народом. Там-сям горят костры, кто-то через них прыгает, толпа подбадривает прыгунов. Мимо идет священник, криворотится, крестится, плюет в сторону. От ближайшего костра здоровые мужские глотки приветствуют священника: «Здрав будь, отец! Иди, выпей с нами!» Священник с каменным лицом идет мимо, пройдя несколько шагов, едва не натывается на совершенно пьяного мужика, который не может ровно стоять, не может говорить, но, тем не менее, при виде духовной власти пытается с уморительно-почтительной миной делать какие-то приветственные жесты.

Вот широкое крыльцо лавки, торгующей дорогим товаром. К ней подходят в окружении светских женщины в шубах с дорогим мехом или с атласным покрытием.

Вот два богато одетых человека — «контрактеры» — оптовики стоят на широком крыльце богатой лавки, опершись на перила, смотрят на гуляющую толпу. Один говорит задумчиво: «Да, греческое вино лучше болгарского. Ну, пойдем, зайдем, покажу тебе свой товар». Открывает дверь, ведет гостя мимо стойки со вскочившим приказчиком в заднюю комнату. Кричит: «Акулка! Акулка! Иди, свети!» Входит еще один приказчик с подсвечником. Купец открывает один из стоящих в клети сундуков, берет оттуда шкурку куницы, встряхивает, показывает гостю. Тот смотрит на свет, ошупывает.

Крупный план: не совсем чистые руки заворачивают в блины лежащие стопкой на столе квашеную капусту, доставаемую тут же из бочки, затем перекадывают их на другой стол. Там множество рук эти блины разбирают, оставляя мелкую монету, которая тут же переправляется под кожух, на могучий живот, в поясную калиту. Рядом торговец руками вылавливает из бочки моченые яблоки. Вот прохаживается одетый в сукно человек со связками сушеной рыбы на шее. Тут же еще один бородач из большого кувшина, обмотанного войлоком для сохранения тепла и подвешенного на ремне через плечо, разливает в подставленные кружки горячее, парящее варево. Вот смачно пьющие и жующие бородачи. Вот девушки и женщины окружили продавца лент, женщины кричат, девушки шушукуются. Продавец отвечает сразу всем, кричит, хвалит чьи-то красные щеки, к которым подходит вот такая дамасская ленточка и так далее. Вот на снегу сидит целая капелла лохматых певцов без шапок, стройно поющих что-то эпическое. Зрители сопереживают, некоторые стоят, просто раскрыв рот. Вот с визгом прыгают на доске-качелях две совсем молодые девушки-оторвы, парень кричит одной из них: «Эй, Малка, держи сподницу, а то слетит!» Тут же стайка из желающих попрыгать ждет своей очереди, хлопают в ладоши в такт качаниям, кричат: «Зыбай! Зыбай! Дам блинов с рыбой!»

Лошади, жующие овес в мешках, сани с задранными оглоблями, есть уже и две телеги-двуколки. Нахальные галки.

Вот в толпе ходит высокого роста чиновник или дружинник, шуба одета в один рукав, под шубой — явно оружие. Завидев его, торговцы опускают глаза, стремятся раствориться в толпе. Впрочем, служивый пьян, он говорит, ни к кому не обращаясь: «Да что вы! Я — ничего! Я сегодня добрый!» Проходя мимо торговца мочеными яблоками, служивый сам запускает руку в бочку, достает яблоко, откусывает кусок, а остальное швыряет в толпу и улыбается. Торговец как бы не замечает самоуправства. Крик: «Пирог, калачи, подовые, медовые, налетай, крещение!»

Множество детей и собак: что-то жуют, бегают друг за другом с визгом, смехом, криком и лаем, дерутся, отирают сопли, отнимают друг у друга лакомства, с любопытством смотрят на происходящее и всюду суют носы.

Вот довольно высокая комната в бревенчатом доме. Стены обиты шкурами как обоями. Яркий блеск солнца в небольшое слюдяное окно. На стенах масляные светильники. Часть одной из стен занимает белый бок печи (печь могла быть и кафельной). По периметру стен — лавки с резными ножками, стол из белой липы сдвинут в угол, пол покрыт ковром. На ковре по-татарски сидит старый лысый усатый хан Котян. Группа женщин в меховых безрукавках с «намитками» на головах только что принесла ему на металлическом блюде кушанья и вино в стеклянной бутылки. Блюдо поставили на ковер, а бутылку с чаркой на стол. Теперь они столпились у входа.

Котян внимательно рассматривает еду, затем поднимает толстое лицо с жесткими черными глазами и говорит по-тюркски: «Отпусти женщин, дочка. Пусть они накормят моих людей. А ты послужи мне, старику».

Женщины в намитках похожи друг на друга. Одна, самая маленькая, немного гортанно говорит по-русски: «Идите, накормите людей». Женщины друг за дружкой уходят в низкую дверь. Маленькая остается, стоит и смотрит несколько выше головы собеседника.

Котян с чуть заметной усмешкой повторяет: «Послужи старику, который бегаёт по степи, не моется и дурно пахнет». На его лице блики от слюды окна и от светильников. Женщина делает небольшой шаг вперед: «Все перед тобой, отец». Теперь видно, что у нее смуглое лицо и темные, немного раскосые глаза.

— Ты уже совсем стала русской. Моешься каждую неделю горячей водой. Цареградскими благовониями умащиваешься. Русскому богу молишься. Все так. Все вижу. А я тебе подарок привез. Не обижайся на глупого старика. Не брезгуй, возьми.

Хан достает из-за пазухи одежды, не имеющей воротника, пучок полыни, перевязанный ниткой, дает его женщине.

— Благодарю тебя, отец,— женщина спокойно берет полынь, нюхает, а затем прячет под безрукавку.

— Посиди со мной. Только ты, наверное, научилась сидеть по-нашему. Тебе нужен трон или кресло.

Женщина молча подбирает платье и садится напротив отца по-татарски.

— Ты хорошая дочь. Не побрезговала стариком. Вот бы теперь на тебя твой муж и твой русский шаман посмотрели бы. Вот бы обрадовались. Ну, ладно. Вот тебе еще подарок.

Котян протягивает дочери маленькую золотую женскую статуэтку, явно сделанную не половецкими руками.

— Ты знаешь, кто это? Не забыла?

Женщина кивает, целует статуэтку и прячет в одежде.

— А теперь скажи, почему нет Мстислава? Я же извещал о приезде. Он не хочет меня видеть?

— Мстислав был в Белзе. Он знает. Он вернется завтра.

— Ничего он не знает. И ты не знаешь. На нас напали татары. Были три большие битвы. Улан убит. Шика убит. Весь род Тегилея убит. И дети, и внуки. В роду Ворона тоже все убиты. Гека ты помнишь?.. Тоже убит. наших отогнали из приморья на север. Много детей умерло. У Нонки дети умерли и у Айгуль. А ты ничего не знаешь. Видение женщины: яркое солнце, огромное, притягивающее к себе небо с легкими облаками, весенняя степь волнами бежит под брюхо коня и под ноги всадницы, расцветающей девочки-подростка, рядом — другие ребята на лошадях, девочки и мальчики в остроконечных войлочных шапках, летящие по ветру волосы, смех, веселый крик: «Эй, Котянова, поскакали к ручью! Кто быстрее!»

Развешивающиеся гривы лошадей, бешеная скачка.

Снова комната. Женщина спокойно отворачивается к окну. Беззвучно плачет.

Пасмурный день ранней весны. Внутренняя часть большого двора, образованного деревянными постройками разной высоты. Кричат петухи. С крыш течет, под ногами снежная каша вперемешку с навозом. На дворе больше двух десятков молодых людей с лошадьми у коновязи, расположенной напротив парадного крыльца. Они, деловито переговариваясь друг с другом, осматривают и подтягивают подпруги лошадей, перебирают экипировку, приторачивают какие-то узлы к седлам, вскакивают в стремена для проверки. Молодые люди отличаются друг от друга: одни из них — витязи в шубах и шапках из дорогого меха, другие в суконных колпаках и в овчинных полушубках или даже в сермягах — оруженосцы. Все вооружены, у витязей к тому же кольчуги под одеждой. К этой группе из нижних дверей парадного дома подбегают слуги, приносят какие-то свертки, предметы, поддерживают коней, уходят назад. В дверях других построек стоят, переговариваются, крестятся любопытные бабы и девки.

Все молодые люди столпились перед парадным входом в большой дом. В большом доме отворяется верхняя дверь, с крыльца спускаются четверо слуг, ловко расстилают на его нижней широкой ступеньке коврик, на него ставят резную тумбочку или столик, на тумбочку — широкий тяжелый металлический сосуд со святой водой и кладут крест, сами становятся по сторонам для охраны. Слуги длинноволосы, как студенты, но лица у них как у бодигардов. Сверху снова отворяется дверь, ведущая на парадное крыльцо, из нее выходят: князь Мстислав Удалой, мужчина средних лет, небольшого роста, остроносый, с рыжеватой бородой, в меховой шапочке-колпаке с острым красным верхом, за ним священник, человек столь же небольшого роста, но более плотный, хан Котян, двое воевод — здоровяков с жесткими лицами: Юрий Домажирич, он пониже ростом, но шире и Держикрай Владиславович. Воеводы без шапок, им лет по тридцать, у Держикрая шрам через все лицо. Все посторонние убираются со двора, только в дверях боковых построек по-прежнему толпятся любопытные.

Князь:

— Здорово, молодцы! Все ли здесь собрались? Все ли у вас на месте? Все ли накормлены? (Священник в это время не спеша спускается вниз).

Всадники снизу хором:

— Здрав будь, князь-отец! (Дальше — вразнобой, но громко).

— Все здесь! Мы готовы! Все у нас есть!

Князь:

— Тогда с богом, дети! Отец Дионисий, теперь твоя очередь!

Священник на коврике. Он в торжественном облачении. Левой рукой поп поднимает с тумбочки большой крест, говорит приличествующие случаю слова. Все, кроме Котяна, сняв шапки, крестятся. Воины и оруженосцы, не толкаясь, по одному подходят целовать крест. Правой рукой священник крестит подходящих Лица воинов: есть и пухлые, и скуластые, и белые, и смуглые, кто с бородкой, кто с усами, один задумчив, а другой ретиво-бесшабашен. Спокойное и твердое лицо князя, он уверен в том, что все делает правильно. Торжественное лицо отца Дионисия. Котян из-за спины Мстислава быстро перебегает глазами с одного воина на другого. Воеводы то подозрительно косятся на хана, то смотрят на воинов.

На заднем дворе по-прежнему орут петухи.

Стражник отворяет ворота. Кавалькада всадников покидает двор, усиленный въездной башней, едет по узкой улице (с двух сторон глухие стены или заборы, над заборами кое-где торчат головы любопытной челяди). Воины, объезжая лужи, минуют церковь, за ней — открытые ворота града (им машут руками и громко кричат, прощаясь, воротники, сами посыльные тоже кричат в ответ). Копыта грохочут по деревянному мосту, ров поверх льда уже наполняется зеленой водой. Кавалькада рысью

проезжает знакомую вам торговую площадь и, разгоняя криками и плетью мешан, катит к воротам окольного города.

В это время князь и воеводы надевают шапки, Священник поднимается к правителю, слуги за ним быстро убирают тумбочку и коврик. Князь говорит хану: «Я сделал, что мог. Теперь все в руках божьих. Ты сам все видел». Все в том же порядке, как пришли, уходят с крыльца.

Над городом, над куполами церковей кружит-галдит стая галок.

А всадники уже за городом, в поле, на развилке дорог, у покосившегося большого деревянного креста. Здесь отряд разделяется на две части, воины прощаются друг с другом, машут руками, скачут по холмистой равнине, обгоняя сани и пеших путников — одни к близкому лесу, а другие — к горизонту, затянутому туманной дымкой.

4

Пасмурный день. Из леса на поле идет обоз. В лесу белые полосы не растаявшего снега, поле почти чисто. Кое-где стоит вода. Вид обоза подобен фотографиям беженцев времен Великой Отечественной войны. В обозе бабы, девки, дети с котомочками, с торбами, с мешками. Кто едет на телегах, кто идет пешком с палочками. У всех лица без глаз, все смотрят в землю. На телеге плачет маленький ребенок, мать утомленно и без особых эмоций говорит вечные слова утешения. На другой телеге еще четыре бабы с детьми на руках качаются на ухабах, как неживые. На следующей телеге одна из сидящих шепотом бормочет молитву. Вокруг гарцуют всадники в боевом облачении.

Обоз останавливается. Конники, что ехали впереди, машут руками: навстречу к ним по дороге приближаются три кавалериста. Старший из охранников выделяет двух человек из своей команды они пускаются в галоп к незнакомцам. Остальные кучей сгрудились на обочине дороги. В лесу кричит какая-то птица.

Через полминуты посланцы возвращаются вместе с пришельцами. От группы всадников перед обозом выезжает старший. Теперь видно, что это тот, кто в первой сцене руководил штурмом города. Один из приезжих — воин-посланник Мстислава Удалого, молодой пригожий парень, похожий на артиста Склера в молодости, двое других — оруженосцы. Молодой воин сходит с боярином. Обмен приветствиями. Боярин расплывается в добродушной улыбке.

— Да ты не сын ли Путяты Веремеевича?

— Не сын, племянник.

— А я-то себе думаю: что-то лицо знакомое! Ну, рассказывай, племянник Путяты, с чем пожаловал? Да давай-ка поцелуемся!

Молодой витязь как бы невзначай царапает шпорой коня, конь отпрыгивает в сторону. Воин старается ногами и руками вновь вернуть лошадь на место.

— У меня поручение от моего князя к твоему князю.

Боярин, все так же добродушно улыбаясь, выдерживает паузу, разглядывая, как молодой укрощает непослушную лошадь, а потом говорит: — Князя с нами нет. Его ударили стрелой в шею. Жив ли будет — неизвестно. Говори здесь со мной. Я все равно буду старший.

— Князь не говорит?

— Я же сказал, племянник, — он при смерти.

Опять пауза. Где-то близко затрещала-засвистела птичка. Молодой воин пытается рассмотреть что-то в лице боярина, Но боярин непроницаемо добродушен.

— А сын?

— Сын с мамками остался во граде. Княгиня приехала ухаживать за мужем... Слушай, Путятин племянник, а учен ли ты учтивости? — Боярин сбросил с лица улыбку. — Все, что ты скажешь им, дойдет до меня через полчаса. Я тебя не держу. Путь

тебе чист, хоть к княгине, хоть куда. Но ты сообразишь мне недоверием. Да Путята и должен был мне кое-что.

Опять пауза. Боярин снова улыбается.

Посыльный:

— Это что за телеги?

— Полон. А тебе Горох разве ничего не сказал?

Посыльный еще немного думает, затем вынимает из-под шубы футляр, передает собеседнику. Боярин ковыряет ногтем крышку, разворачивает свиток, читает, шевеля губами.

— Ну что, князь, сам видишь, никуда не поедет. Я такое дело тоже решать не буду. Так и отвечай Мстиславу. Да и не сильно-то помогут ему три сотни наших копий.

— Было же пять?

Боярин не ответил. Оборачивается к своим: «Поехали!»

Молодой — в спину боярину:

— Учтивый воевода, послов ведь принимать и кормить надобно!

— У меня и у моих людей ничего лишнего нет. Останавливаться я тоже не хочу — полон растеряю. Путь тебе чист, отрок! Хочешь — едь к князю с княгиней, не хочешь — во град скачи! Скажи там Курею — от меня. С богом!

Боярин отъезжает прочь. Мимо посланника и оруженосцев топают и едет скорбная вереница полон. В небе над их головами летят, перекликаясь, гуси.

5

Солнечный день на исходе. С сосулков под стрехами бежит вода. В окнах большого двора на разные цвета блестят окрашенные стеклышки. В небо струятся мирные дымки из труб. У высокого крыльца соскакивает с лошадей еще одна тройка — посланник с оруженосцами. С крыльца покрикивает управляющий:

— Отроку Мстислава — мое почтение! Глыжка — принимай коней! Любка — веди людей воина в гридницу, в пекарскую! Баню, слышишь, баню не забудь! Люди с дороги, люди с мороза! Да послужи им сама-то! От тебя не отвалится! Проходи, дорогой, проходи, ждут уже тебя!

Посланник поднимается на крыльцо, проходит в низкую дверь.

Комната, освещенная разноцветными окнами и свечами, в ней горит печь. Стены обиты узорной тканью. В красном углу — резной деревянный затейливо украшенный трон. На нем сидит князь, на лавках по бокам — бородатые бояре. По правую руку от князя — священник.

Входит посланник, крестится на иконы, здоровается с поклоном в пояс с князем, затем, тоже с поклоном — с боярами.

— Я Михаил, сын Рюхи, отрок Мстислава Мстиславовича. Я привез тебе привет от моего князя, пожелание здравствовать и впредь. А еще я привез от моего князя вот это послание (достает футляр).

Князь берет свиток, читает, хмурится, потом говорит:

— Ну что, утро вечера мудренее.— (Стоящему за спиной отрока управляющему) — Проведи воина, накорми, в баню своди, спать уложи, все как положено, чтобы гость был нами доволен. Брат мой мне честь оказал, письмо прислал! И мы примем его людей честно, чтобы ни в чем нужды не было!

Отрок и дворецкий уходят. Бояре переглядываются. Князь переводит взгляд с одного на другого.

— Так вот, господа именитые! На тестя Мстислава Мстиславича, на Котяна на поганого напали какие-то другие поганые и сильно его побили.

Кто-то облегченно вздыхает.

— Помолчи, Кирилл, я знаю, что ты скажешь!

Опять чей-то вздох.

— Так вот, Мстислав просит меня прийти на рать с этими новыми поганями. На эту весну.

Все опять переглядываются.

— Что скажете, именитые?

Один из бояр, бородатый с проседью брюнет, лет под пятьдесят, глядя перед собой, спокойно:

— А любит он, Мстислав, это дело. То в Новгород. То из Новгорода. Там повоевал. И там сабелькой помахал. Ни имения не нажил, ни к земле не прирос. С поганцем Котяном породнился. Носит его по Руси нечистый дух...

Князь усталым и презрительным голосом, как начальник на оперативке:

— Вратислав, ты хочешь, чтобы я так и ответил посланнику? Я-то отвечу, да скажу, что это боярский приговор. Нечистый дух принесет сюда Мстислава самое позднее — через три недели. (Повышая голос). И с Котяном! И где ты, лично ты, будешь тогда от него прятаться? На полатах? Под стряпухиным подолом?

Кто-то опять тяжело вздохнул.

— Говорите, господа, по делу — что мне отвечать посланнику?

6

Раскисшая дорога, мокрые кусты, с неба сеет мелкий дождик. По дороге шлепают двое всадников: посыльный, а за ним — оруженосец. Оба заметно промокли, оруженосец бурчит: «Говорил же — давай остановимся в селе, так нет, видишь ли, там курной дух нездоровый! Вот теперь набирайся здоровья, мокни!.. Скоро уже и в сапогах вода будет! Вот проржавеет кольчуга — я ее чистить не буду! Лучше в примаки пойду к Пикулихе...» Воин, повесив голову, едет молча.

7

Крупными хлопьями валит снег. Три заснеженные фигуры лупят ногами в какие-то ворота. Из-за снега видно только часть тына, а больше ничего. На уровне голов в воротах открывается зарешеченное окошко, оттуда — громкий испуганный голос: «Кто такие? Что надо?» — «Я посланник князя Мстислава Мстиславовича! На, смотри!» — один из стучавших сдергивает рукавицу, показывает в окошко перстень с печатью.

8

Весеннее солнечное утро в Киеве. Мощные валы, Блеск церковных куполов, первые листики в садочках, готовых зацвести, многоцветный базар на Подоле, переключка петухов — все это будит какие-то неясные детские воспоминания об утраченном рае. В Десятинной церкви идет обряд крещения. Митрополит в полном облачении, епископы, благочинные... В некотором отдалении стоят русские князья в шапках с боярами свиты (без шапок). Пылают сотни свечей. В синем полумраке горят золотом строгие лики на стенах и на иконах. Перед митрополитом купель — большой каменный ящик с черной водой. Спина к зрителю стоят трое мужчин. Один в центре — укутан покрывалом, двое других — в зеленых сапогах и в цветастой верхней длинной одежде. Это половцы.

По знаку митрополита тот, что был под покрывалом, скидывает его и, совершенно голый, неуклюже лезет в купель. Телохранители бросаются помочь.

Мужчина проваливается в воду по шею, купель очень велика, вода из нее не выплескивается. Священник, произнося слова обряда, с заметным усилием окунает голову половца с длинными темными, немного вьющимися волосами в воду...

Один из присутствующих бояр, мужчина средних лет, стоящий за спиной молодого князя, говорит вполголоса, ни к кому не обращаясь: «Ну вот, был Бастыга —половец, враг поганый, а стал Иоанн, свой в доску».

9

Служба закончена. Одетый по-праздничному народ толпится на площади. На высокой паперти перед народом — несколько торжественно одетых священников. Вид от их спин на площадь. Ниже священников, перед толпой — цепь здоровенных парней в монашеских одеяниях. Еще дальше — вооруженные служивые. Толпа слушает священника, стоящего в центре, митрополита. Он заканчивает речь мощным, густым голосом.

— ...и будет от того единения во Христе, Господе нашем, великий мир Руси и великая тишина, и благодать всем добрым христианам. И видится в том великое знамение и милость, и любовь божья. И мы со смирением и благодарностью воспримем этот великий дар и великую милость. И будем усердно славить Господа нашего во имя отца и Сына и Духа Святого...

Вид от толпы на паперть. За спинами священников стоят в ряд князь со своими свитами, но из церкви вышли еще не все, из портала все идут и идут торжественно одетые люди, прибывают задние ряды.

Народ крестится.

Священники ушли, князь по одному в сопровождении свиты спускаются вниз. Дружинники охраняют дорогу.

Вид толпы. Перед папертью и вблизи от нее — несколько десятков человек «чистой» публики, вокруг — масса простонародья.

Вот сходит Даниил Романович, совсем молодой парень. У него западноукраинская внешность, длинные, немного вьющиеся каштановые волосы, густые брови, сияющее юное лицо, высокий рост. Люди свиты — под стать своему суверену. В толпе разговор: «А это кто?» — «А ты не знаешь? Данило — князь червенский!» Женские ахи и охи: «Красавчик! Ладушка!» Девушки во все глаза глядят на такого симпатичного парня, перешептываются, становятся на цыпочки, тянут шею, чтобы разглядеть его из-за спин стоящих впереди.

Тут же толкаются дети, лезут между зрителями, получают шлепки и тумаки, разевают рты от удивления.

Вот спускается еще князь, окруженный пятью боярами. Это Мстислав Мстилавович. Он явно ниже своих бояр, рыжеват, с небольшой растрепанной бородкой. Князь спор в движениях, несмотря на возраст. Он крестится на ходу, быстро нагоняя Даниила, отводит его вперед от бояр, что-то говорит. Даниил почтительно-добродушно улыбается в ответ. Женские и мужские голоса в толпе: «А это кто?» «Кто это?» — «Ну как же! Мстислав Удалой!» «Удалой! Удалой!» — «Вот это да!» — «Такой маленький — а Удалой!» — «Тише, услышат!» — «Никогда бы не подумала!» — «Смотри, Удалой!» — «Быстрый какой!» — «Наш пострел везде поспел!» — «А мне такие не нравятся!» — «Молчи, баба!»

Князь со свитой идут к своим коням.

С паперти сходит, крестясь, еще князь — летописный дородный муж, высокого роста черноволосый бородач, степенно шествует в окружении своей свиты — столь же здоровых бояр — к своей лошади.

Опять взрыв эмоций в толпе.

«А это кто?» — «Мстислав Черниговский!» «Черниговский! Черниговского не знаешь? Эх вы, полоцане! Сидите на болотах, никуда не вылезите, ничего не знаете!»

Опять восхищенные женские возгласы.

Еще делегация.

«А это кто?» — «Не знаю!» — «А говорил, всех знаешь!» — «А этого не знаю». — «Юрий Несвижский, вот кто!» — «Ух, ты!» — «Несвижский?» — «А-а!»
«Тоже молодой!» «Хорошенький!» — «В болоте сидит, литву воюет!»
Юрий постарше Даниила, блондин с немного пухлым белым лицом, светлыми бровями и ресницами, сонным взглядом водянистых глаз, эдакий взрослый младенец.
Еще князь со свитой.
«Кто?» «Кто?» — «Олег Курский!» — «У, какой сердитый!» — «У такого не посвоевольничает!» — «Ой, девки, какие брови у него!» Олег — поджарый брюнет с усиками и сросшимися бровями.

Вышедшие из храма князя и люди из свиты, сидя на конях, поджидают остальных. Толпа волнуется за линиями воинов охраны, толкается, сдержанно шумит. Наконец прокатывается всеобщий вздох — из портала появляется Мстислав Романович Киевский, немолодой человек с седыми волосами, редкой бородкой и цепким взглядом.
Затесавшиеся в толпе вижи и прихлебатели выкрикивают: «Отец наш!» «Слава!» Рядом с Мстиславом идут подручные князя Андрей и Александр. За князьями шествует немалая группа бояр. В это время в толпе какой-то парень ущипнул девку. Та визжит. Соглядатаи и вижи, только что славословившие князя, натягивают на лица маски свирепого рвения, расталкивая толпу, лезут в то место, откуда они услышали неподобающий шум. Некоторые в толпе боязливо расступаются перед вооруженными, другие норовят исподтишка толкнуть или прижать княжьих цепных псов.
Парень уже в другой стороне площади. Он взглядом нашел давешнюю девку, разевает рот, делает ей какие-то знаки. Та сперва задается, делает вид, что не замечает ухажера, но потом не выдерживает и показывает ему язык.
Мстислав, как бы ничего не замечая, важно шествует в окружении свиты к лошадям. Вот все уже в седлах, разноцветная кавалькада направляется по оцепленной воинами улице.

10

Большой зал в кирпичном доме. Пол выложен плинфой «в елочку». Расписные своды, озаренные свечами. П-образный стол, покрытый скатертями. В «красном углу» — набор икон, под ними несколько свечей. Посередине комнаты высятся две колонны, поддерживающие свод, стол частично охватывает одну из них. На столе стоят только миски с хлебом и солонки, а также глиняные с глазурью и стеклянные сосуды с вином. За столом на лавках сидят князья и бояре — каждый князь в окружении своих. Между группами правителей княжеств — пустые промежутки. В углах и нишах стоят слуги, готовые подать и налить что скажут. Однако на них никто не обращает внимание. В центре сидит в окружении духовника, подручных князей и свиты Мстислав Киевский.

Все собрание повернуло головы в сторону Мстислава Удалого, он говорит, уперев взор в Мстислава Черниговского:

— Ты, брат Мстислав, сомневаешься в верности половцев. Но посулы ты от них взял. Взял и коней и рабынь. Теперь тебе вольно сомневаться.

Не будь ты мой брат, сказал бы я — мол, еще хочет взять! Я этого не говорю, брат, ибо знаю: велика твоя земля и многих сил и трудов требует! Но подними свой взор от земли. Не поможем мы сегодня половцам, завтра они неволей отойдут к татарам. Не хуже ли нам от того будет, братья и дети? Не больше ли трудов понадобится, чтобы держать столы наши? Не утишится и не замирится от того Земля Русская.

Пауза. Мстислав Киевский:

— Братья и дети, кто еще скажет? (Тишина). Я, старший во всей земле, уповая на бога, иду на войну вместе с братом моим Мстиславом и младшим Даниилом. Дети мои, я знаю, не покинут старика одного. Они бога чтут и старших уважают. (Подруч-

ные князья молчат, смотрят перед собой.)

Мстислав Черниговский:

— Ну вот, один глаза колет погаными полонянками, другой вот-вот скажет, что я старших не уважаю! Я и сам старший! И отец мой, и деды о Русской Земле печалились! И я ничего во вред Русской Земле не сказал и не сделал! А что говорю о половецкой неверности, так о том всем ведомо! И говорить здесь все братья вольны — мы все ветви одного ствола, внуки одного деда. И мы думаем здесь не о семейных делах, а о Русской Земле. И на это дело нужно смотреть со всех сторон. Так говорите, же братья! Говорите, дети! (Молчание.) Никто больше того, что сказано, не скажет? (Опять пауза. Один из бояр свиты Мстислава Киевского говорит соседу: «Кто здесь старше? Кто ведет беседу — Киев или Чернигов?») Значит мы решили идти и воевать.

Мстислав Киевский, который слышал перешептывания своих бояр:

— Дай бог тебе здоровья, брат, ты помог мне вести дело. Значит, братья и дети, мы уговорились. Будем целовать на том крест. Отец Иоанн, у тебя готово? (Священник важно кивает, Удалой переглядывается с сидящими в конце стола половецкими ханами. Половцы улыбаются свояку, а затем снова натягивают маски равнодушия.) Теперь будем говорить, как и куда пойдём. Начну я сам. Всем ведомо, что у меня в полку много пехоты. Я пойду вниз Днепра по воде и по суше с обозом и с плотниками, и с запасом дерева на острог...

11

Рассвет в степи. Проснулись, пробуют голос птицы. На травах роса. Балки с кустарниками на склонах, легкий туман внизу.

Внезапно поднимается целая стая птиц. Издали слышен нарастающий шум. В кустах на краю балки кто-то ворочается. Это человек в остроконечном колпаке с монголоидными чертами лица.

По степи скачет татарская сотня с бунчуком. Человек из своего укрытия провожает ее глазами, шевелит губами, а потом уползает вниз, в балку.

Появляется край солнца. Его приветствует птичий хор.

12

Утро. Мелководная затока на реке. Целое поле слегка волнующихся от ветра камышей. Редкие ракиты, кусты орешника сливаются на втором плане в сплошную зеленую массу. В камышах и тростнике копошится, прокладывая тропинку, давешний половец с лошадей. Головы лошади и человека то утопают в сплошном тростниковом море, то вновь показываются среди зеленых волн.

Три половецких всадника на краю низины среди ракич смотрят на голову среди камышей, держа в руках луки, приготовленные к стрельбе. Только путник добрался до твердой земли — тут же крик: «Стой! Кто ты?» Тот останавливается, слегка оглядываясь, отвечает: «Амхар, сын Кульчи из рода Барана. Иду с вестью к Яруну». Старший из всадников: «Чубук, покажи дорогу человеку».

Один из половцев не спеша прячет лук в нaluчье, застегивает и отодвигает подальше колчан, вынимает саблю, говорит пришельцу: «Езжай впереди». Тот вскакивает в седло, оба скрываются за кустами.

13

По Днепру, по большой еще воде спускается флотилия из кораблей и ладей. Уже около полудня. Сказочный яркий день, волшебный украинский майский пейзаж. Все вокруг цветет—и на высоком западном берегу, и на низком восточном. Кучевые об-

лака и паруса судов отражаются в воде, покрытой мелкой рябью.

Корабли идут в три ряда. Стройности рядов помогает песня с мощной ритмичной основой: что-то вроде «Уходили в поход партизаны» или «Славное море священный Байкал». В песне поется о седом Днепре, о голубом Дунае, о Черном море, о золотом Цареграде — какое там высокое небо, какие там великие цари, сколько там чудес, богатств и красных девок. На головных кораблях — флаги черниговского, киевского и галицкого князей. Князья воеводы, как и положено, стоят на носу каждого из передовых кораблей. Рядом — трубачи. На палубах воины и оруженосцы точат оружие, отдраивают и чистят амуницию, кормят лошадей в станках. Поют все или почти все: кто-то увлеченно, во весь рот, кто вполголоса, закусив длинный ус. Поют гребцы, поют бояре, поют подростки-слуги. На каких-то кораблях — настоящие хоры с разными голосами, с подголосками.

14

Восточная сторона Днепра. Прикрытая редкой сторожевой цепью по слабо приметной тропе-дороге идет масса конницы под знаменами Курска, Смоленска, восточных черниговских пригородов. Катят обозы, идут стада скота, небольшие табуны лошадей.

На дальнем холме сторожа разглядели столб дыма от костра. Они собираются кучкой, затем один скачет назад — докладывать, трое — вперед, разведать, трое или четверо остаются на месте.

Разведчики приближаются к кургану. Оттуда им машут руками и копьями какие-то люди. Там бьет барабан. Трое русских всадников приближаются метров на сто пятьдесят. Слышны крики по-русски и по-тюркски: «Послы! Мы послы!» Чехлы луков и колчаны у разведчиков расстегнуты, один из них призывно машет плетью. С кургана скатывается всадник вполне русской наружности, но одетый по-степному в малахай и меховую безрукавку на голое тело. Он демонстративно разворачивается на коне, показывает пустые руки, кричит, обращаясь к тому, кто махал плетью: «Мы послы! Проводи нас к князьям! Будет тебе много чести!»

По степи скачут навстречу с одной стороны — князь со свитой, охраной, знаменем и рожечником, с другой, несколько медленнее — татары с бунчуком. В центре движения — трое разведчиков.

Князь (это Олег Курский) говорит ближнему всаднику, человеку заметно старше себя, но еще не погрузневшему: «Начинай, Бориска!» Тот громко:

— Я Борис, воевода курский! Кто вы и чего вы хотите?

Отвечает все тот же человек, русский по виду, одетый степняком: — Мы послы к русским князьям от Субэдэ-багатура, великого и грозного воеводы всемогущего Джучи-хана, сына покорителя вселенной Чингис-хана! Мы идем к князьям с добрым словом от Субэдэя! Проведи нас, и будет тебе большая честь!

— А не сын ли ты Карпоноса-разбойника, что на Северах клети разбивал?

— Я воин и слуга мирзы татарского. Мои родители давно умерли. Чем тятка занимался — уже не скажет. А сила татарская велика и тяжела. Где сила — там и правда. Не вороши прошлое, боярин, веди к князьям.

По знаку Олега группа русских конников расступается, становится по бокам татар. Борис говорит своему собеседнику: «Иди вперед!» Все вместе удаляются в расположение русских.

15

Солнце уже сильно перешло за полдень. На холме восточного берега Днепра горит костер. Вокруг ходят несколько половцев, подбрасывая в огонь сухие куски плавника

и ветки из собранных поблизости куч. Ближе к воде — кучка половецкой знати, среди них — хан Ярун. Идет разговор по-тюркски. Молодой воин:

— А если они проплывут?

Ярун: — Не проплывут. Они все равно где-то здесь должны будут останавливаться на ночлег. Ты лучше подумай, правильно ли ты поставил дозорных? Почему до сих пор нет вестника?

Все молча смотрят на реку. Блики солнца на воде, кружат и кричат чайки. С берега — топот копыт, скачет всадник, кричит: «Они плывут!»

Ярун поворачивается к парню, с которым только что разговаривал: — Это твой чело век?

— Да.

— Пусть подъедет и назовет свое имя.

— Эй, ты, подойди!

Всадник подъезжает, слезает с коня, смиренно опустив голову, идет к начальникам.

Свитский: «Кто ты?» — «Карагач из рода Чибиса». — «Вы там разожгли огонь?» —

«Да!» Ярун властным голосом перебивает свитского:

— Я запомнил тебя, воин! Возвращайся в свой род!

Издали по реке несется песня. Появляются точки — флотилия русских князей. Половцы валят в костер сырую траву. Поднимается столб дыма.

16

Солнце спустилось еще ниже. Западный высокий берег Днепра. Один за другим пристают корабли. С небольшого возвышения за всем наблюдает Мстислав Удалой. На несколько сот метров по берегу стоят струги и ладьи, люди сводят с них коней, гонят на подъем — пастись. Другие жгут костры, что-то варят.

К Мстиславу спешно подходит Даниил в окружении отроков.

— Отец, здравствуй! У меня Ярун, важные новости!

Оба князя немного отходят от своих свит.

Даниил: — Татары направили посольство к нам. Послы сейчас у тех, что идут берегом. Они ведут себя чинно, говорят дельно. Предлагают мир. Ярун встревожен. Мир будет за его счет.

Мстислав чешет нос.

— Ярун полынь нюхал?

— Да. (Пауза).

— Наши должны были известить Мстислава Киевского. Ты не видел вестников?

— Нет.

— Мне тоже ничего не говорили. Они давно переговариваются?

— С полудня.

— Вот как? (Пауза). Будем считать, что вестников не было. Я отправлю туда двух своих людей, ты отправляй своих. Пусть узнают, что и как. Да, значит, вестников не было... Ты удержи Яруна и молчи. Я сам скажу все на пиру.

Прекрасный майский вечер на Днепре. От западного берега, из-за кораблей русских, из тени, отчаливают две лодки, в каждой из которых по несколько гребцов и по одной лошади. Лодки бесшумно спускаются вниз по течению.

Под открытым небом на корабле Мстислава Киевского — пир. Простой стол с красиво расшитой скатертью, лавки под коврами. На специальных подставках уже подготовлены факелы и греческие бронзовые светильники. На столе греческое вино в стеклянных сосудах, похожих на большие флаконы для косметики. Еда проста: мясо жареное и копченое, птица, рыба, капуста, лук, репа, каша, много черемши. Мстислав Киевский, подручные князья, ближние бояре и духовник князя встречают гостей, шумно поднимающихся на корабль по сходням.

После короткой молитвы князя рассаживаются на лавки (киевский священник садится рядом с князем). За их спинами — слуги. Мстислав Удалой сел напротив киевского князя и сразу же начал:

— Плохие новости, брат. Татары отправили своих людей к дружинам, что идут степью. Мне это послал сказать Ярун (Даниил закашлялся, будто подавился). Здесь три старших князя (посмотрел на Даниила), ну, четыре. Ты — главный. Там только меньшие. Они должна были направить послов сюда. Сам знаешь, чем могут закончиться такие переговоры.

Пауза. Все князья смотрят на Киевского. Отрок-прислужник хочет порезать мясо в серебряном блюде, но Киевский отстраняет его. Говорит со скрытым раздражением:

— Ну вот, братья и дети, захотели отдохнуть, прохладиться... Все слышали? Говорите по старшинству.

Мстислав Черниговский:

— Ну, что тут сказать? Там идет моя тысяча с воеводой Куроедом. Куроеду я верю. Он не будет ничего делать за моей спиной (пауза). Да и верно ли ты говоришь, Мстислав?

Удалой:

— Я отвечу, брат. Ты хочешь, чтобы я предоставил верные улики? Но дело еще не сделано. Будет сделано — будут и улики. Но что тогда исправишь? Ребята получат мзду и разойдутся с полдороги. А ты думаешь, эти татары не знали, где здесь старшие и где — младшие и по ошибке к ним пошли? Не будем считать врагов глупее себя. Но ведь и те дети не должны были их принимать, а прямоком отправить к нам. Братья, я считаю, что надобно требовать этих послов сюда и убить.

Даниил Романович звонким голосом:

— Отцы и братья! Позвольте мне сказать. Я за то, чтобы не было меж нами розни. Если уйдут младшие, они откроют татарам половецкие кочевья. Значит, побегут и половцы. Придется и нам поворачивать. Мало чести в такой войне: собирались, уговаривались, пошли, а с полдороги и разошлись. Как мы Русскую Землю тогда оправлять будем? Не будет нам веры, братья и отцы. Всяк будет тыкать нам этим бесчестьем. Ведомо всем: мужики переяславские и так шатки, с трудом держатся, а побегут они — и Киев будет открыт.

17

Русский стан в степи. Солнце садится. Горят костры, ходят стреноженные кони. Перед богатым шатром на лавках, составленных буквой «П» сидят младшие князья. В центре — Олег Курский. Справа и слева от него четыре князя, дальше — воеводы. За спинами начальства выстроились рослые охранники с рогатинами. Перед князьями стоит группа монгольских послов без головных уборов. Блестят бритые лбы, едва ли не до пояса свисают жидкие косы. Старший из монголов говорит, человек, похожий на русского, переводит.

— Зачем вы, русские, собираетесь на нас всею силою? Мы вам ничего плохого не сделали, не трогали ни городов, ни сел ваших. Мы пришли на холопов своих и конюхов, на половцев. Издавна они были в нашей власти, но вот возгордились, крутыми себя почувствовали и стали нам грубить. Мы их за это и бьем. А слышали мы, что и вам докуки от них много было. Так чего же вы их защищаете? Мы бьем их со своей стороны, а вы бейте со своей.

Олег Курский:

— Мы слышали твои слова. Уходи в свою палатку. Завтра мы тебе скажем ответ. Охранники за спинами татар расступаются, передние воины, наоборот, напирают. Послы волей-неволей разворачиваются.

Снова совет на корабле. Солнце уходит за горизонт. Говорит Мстислав Киевский: — Мы решили: татарских послов умертвить, от них не будет дела, а будет только разброд. Чтобы убедиться в честности младших дружин — сказать, пусть они их и убьют. Если отпустят — то будет измена. Будем тогда по-новому делить уделы. А если пришлют к нам — будем думать еще раз. Хорошо ли я сказал? На берегу пробует голос соловей.

Послезакатные сумерки. По степи, распугивая поющих птиц, галопом скачут два всадника в металлических шлемах и наборных доспехах. В спины им светит розовый закат. Воины погоняют лошадей, растворяются в поднимающемся из балок тумане. Еще веселей зазвучал птичий хор.

Снова совет младших князей посреди русского лагеря. Он уже похож на шумный спор. Один из князей допытывается у Олега Курского: — Вот ты, Олег, всегда представляешься справедливым и с образом ходишь! А ты скажи честно — веришь Котянну и Яруну? Сколько половцы наших людей и данников побили? Да ты не вспоминай про Переяславль, ты на свой удел посмотри! Сколько они там у тебя побили, пожгли, пограбили — можешь сосчитать?

Олег в раздумье и сомнении. На его лице — сполохи света от костра: — Да, братья, не верю я половцам. Но я слово дал...

Еще один «младший» князь:

— И ты слово давал. И я слово давал. И Шумский давал. И Яневский давал. А все почему? А потому, что боялись мы, братья, как бы старшие про наши уделы не сели мыслить. А ты, Изяслав (он поворачивается к князю, который требовал честного ответа от Олега), еще одну думу имеешь: старший брат у тебя одною ногою в могиле, ты ищешь, как бы и его удел к себе привлечь! А на то надобно согласие старших! У них, у старших, в руках наша воля, как канарейка в силках! Все беды Русской земли оттого, что нету уже среди князей ни родства, ни братства, как отцы и деды нам завещали! Если и есть у кого с кем дружба, то только по уделам! Будь ты хоть младенец, а получи богатый удел — и ты старше седобородого!

Уже ночь. Две лошади в балке. С ними — воин. Второй воин уже без брони, в черном одеянии, осторожно лезет на гребень. Отсюда видны всадники сторожевого охранения лагеря «младших» русских дружин. Соглядатай осторожно ползет краем балки, минуя сторожевую цепь. Вот он уже ходит по лагерю, среди спящих вповалку на кошмах воинов, нагнувшись и покачиваясь, будто спросонья что-то ищет. Останавливается, подходит к одному из спящих, говорит: «Дядя, продай сапоги!» Тот мгновенно открывает глаза, отодвигается. Пришелец ложится рядом, шепчет: «Что да как?» — «Татары у нас. Посеяли сомнение среди наших. Сейчас они совещаются, уже долго. Только, думаю, отправят они послов к старшим, на Днепр. Все равно ничего лучше не придумают».

Радостное утро. Дружный птичий гам приветствует восходящее солнце. От солнца, распугивая птиц, движутся две точки, растут, превращаются в скачущих галопом всадников.

Вот солнце уже поднялось над горизонтом. Давешние конники подъехали к берегу Днепра. Восточный берег довольно высок, западный — поднимается синей горой. По воде в тени берега стелется туман. Кавалеристы заглядывают вниз, на реку — и тут же быстро отъезжают от обрывчика, прячутся в кустах: от воды поднимаются на берег какие-то люди. Неподалеку причалили два корабля, с них теперь сводят трусящих коней. Вскоре на возвышенности берега уже строится отряд конников человек в двадцать. Впереди князь в красной шапочке (это Андрей, зять Мстислава Киевского), за ним — знаменосец с флагом киевского князя. Отряд уходит на восток, в степь.

Два всадника осторожно спускаются к воде в стороне от кораблей. Разговаривают между собой: «Крикнуть надо бы!» — «Услышат эти (мотнул головой в сторону кораблей)... Да и спят они, наверное». — «Как спят? Ведь можно и голову проспять!» — «А что? Здесь тихо, от начальства далеко, солнышко греет. На, поддержи поводья, пойду искать». Скрывается в кустах.

Отряд русских всадников картинно скачет по степи. Все ребята как на подбор — то ли Васильевские, то ли Васнецовские богатыри. Впереди, осененный знаменем тестя, едет молодой князь.

Уже близко к полудню. К Днепру из стана младших князей в телегах под охраной везут татарских послов. Сзади слышен шум. Охранники оглядываются. Кто-то из татар, угрюмо сидящих на соломе в телегах приподнимается, его без церемоний ударяют тупым концом копья в спину. Охранники готовятся отразить нападение: расстигивают колчаны, вытаскивают из футляров луки. Погоня приближается. Слышны звуки рога. Охранники переглядываются: «Олег Курский?» «Что случилось?» Уже видно, что впереди погони — два князя под знаменами. Метров со ста от телег один из князей кричит: «Отойдите от телег! Я, Олег, говорю!» Охрана, переглядываясь, неспешно отъезжает от телег. Тут же три-четыре татарина перепрыгивают через бортики повозок, бегут в степь. Вслед им летят стрелы. Всадники из погони, за какие-то секунды доскакав до обоза, рубят разбегающихся татар саблями, а затем, на всякий случай, еще и протыкают какие-то тела копьями. Обоз, охрана и приехавшие каратели разворачиваются и едут по своим следам обратно.

В степи снова светло и покойно. Над трупами колышутся травы, стрекочут кузнечики, поют птички.

Над травой осторожно поднимается голова татарина в малахае, он смотрит на убитых, затем — на удаляющихся русских, снова прячется.

23

Снова утро. На корабле Мстислава Киевского — еще одно собрание князей. Общая атмосфера неловкости, лица всех помятые. Мстислав, как старший, сидит в центре на позолоченном троне с маской величавого безразличия на лице. Остальные князья рассматривают блики на воде, перебирают четки или просто смотрят под ноги. Во круг — вооруженная охрана.

Перед Мстиславом стоят четыре татарина. Один, перевирая слова, говорит по-русски:

— Мы на вас не нападали, а вы перебили наших послов. Вот идете теперь на нас. Идите, но только на все воля божья. С неба все видно — и кто прав, и кто виноват. Я сказал так.

Мстислав, сидя:

— Идите своей дорогой. Путь вам чист. Кому что суждено — тот то и получит.

Охрана выступает вперед. Послы, не попрощавшись, разворачиваются, перелезают с

Вечер на Днепре. Солнце уже село, отражение оранжевых и розовых облаков в воде. Лодки и корабли со спущенными парусами. На кораблях — тихая печальная песня. Одна лодка отделилась от остальных. На ней под мачтой — палатка, четыре охранника по углам, один — на корме, у рулевого весла. В палатке расстелен ковер, на ковре сидят по-татарски Мстислав Удалой и Ярун, предводитель половцев. Головы не покрыты. Огонь свечей, колыхаясь, бегаёт по их лицам — спокойно-ироничному у Мстислава, недоверчивому у Яруна. Блестят глаза. — Каково дошли, племянник?

— Я сделал, как мы договаривались. Мое войско в одном дневном переходе отсюда.

— Хорошо, но...

— Позволь спросить — что нового у вас?

Пауза.

— Мог бы дать мне высказаться, племянник.

Ярун сперва спокойно, но потом — более запальчиво:

— Ты вождь дружины, я вождь дружины. Мы здесь союзники, а не родственники. Я выполнил твои условия и хочу знать, что делается у русских!

— Боишься распри? Ха! Я и сам боюсь. Но пока все тихо. Я ничего не замечал, мои люди мне тоже ничего не говорили. В поход вышли все, кто был в Киеве. Черниговцы и киевляне не идут рядом. Было три стычки между моими и черниговскими. Это все, что я знаю. Я тебя успокоил?

— Не знаю, что ответить. За мной пять тысяч человек.

— Я тебе все сказал, остальное в руках божьих. Сомнения отнимают время. Слушай. Ты сейчас вернешься к своим. Выводи их к переправе. Будь осторожен, Смотри по сторонам. Силами небесными тебя прошу — не лезь на открытое место. Там много кустов — спрячьтесь, костров не жги, выставь охрану. Мы будем переправляться, пошлем вперед свою стражу. Ближе к тебе я выставлю своих людей. У них будет красное знамя. Как увидишь, что замахали — вылазь из кустов, но не раньше.

Мстислав замолкает, роется в кармане, достает тряпочку, разворачивает, вынимает насколько стеблей полыни и, сделав, задумчиво-спокойное выражение лица, нюхает.

Ярун сперва смотрит на него с удивлением, затем быстро усмехается, вскакивает на ноги (ему надо пригнуть голову, чтобы не стукнуться головой о поперечину), кланяется, говорит: «До свидания, дядя!» Уходит.

На фоне догорающего заката — силуэт большой ладьи. От нее отчаливает челн. В нем — силуэты четырех гребцов и воина в шлеме. Челн уплывает к восточному берегу. С противоположного борта ладьи скидывают сходни, трясут факелом. Из кустов к борту идут люди.

На берегу горят костры. Над всем висит печальная песня.

Остров Хортица. Пасмурный, мокрый день. На берегу горят огни. Дым прибивается к воде. Возле костров ходят воины, нахохлившись, как птицы в непогоду, подбрасывают в огонь палки. На ветвях растущего неподалеку дуба, в 10—12 метрах над землей, устроено что-то вроде насеста, там сидит дозорный. С земли спрашивают: «Ну что? Видишь?» — «Нет». — «А ты не ослеп?» — «Если ты зрячий, то лез бы сам смотреть! Одно молоко кругом!» — «Бронька говорил — день пути им осталось!» — «Придут!»

С другой стороны острова слышны ритмичные звуки, сначала слабые, но затем все сильнее и сильнее. Звуки перерастают в далекую грустную песню с ритмичной осно-

вой.

На берегу — разговор сразу нескольких голосов: «Галицкие тысячи идут! Обогнули киевских! Домажирич идет, слышите?» Несколько человек, сбросив оцепенение, бегут к лошадям, скачут на противоположный берег острова.

Из тумана нарастает пение. Мощный многоголосый хор повторяет припев. Вот уже показались смутные силуэты судов. Корабли идут без парусов, на веслах, гуськом в одну линию. На первом корабле барабанщик у мачты задает стуком ритм и песне, и взмахам весел. Гребцы без шапок, в меховых безрукавках, у них загорелые до локтей руки, белые плечи, кирпично-красные лица. Воевода Юрий Домажирич в желтых сапогах и в белой, богато расшитой рубахе, стоит на носу первого корабля, кричит: «Держи лево!» Стоящий рядом трубач тут же трубит в рог, чтобы слышали идущие сзади. На корме здоровые молодцы вдвоем ворочают руль.

Трубач по знаку командира еще раз поднимает свой рог, дает сигнал. С берега, темнеющего размытой полосой, тоже трубят. Там у самой воды полыхают три костра. Корабль поворачивает влево, на их огни. Издали, с другого берега острова, тоже слышен звук рога.

Из палатки, поставленной за мачтой, выбираются воины, идут на нос судна. За палаткой, в деревянных станках — лошади. Им тоже передается всеобщее оживление, они трясут головами.

Гребцы опустили весла в воду для торможения, корабль утыкается носом в песок. С носа на берег бросают веревки, их привязывают к вбиваемым тут же кольям, тащат дощатые сходни.

Рядом в песок врезается носом еще один корабль, его так же привязывают. Общая суэта, разговор, приветствия, крики: «Ну как там море? Морских русалок не видели?» — «Видели, да тебе не привезли! Ты же у нас святоша!» — «Натягивай сильнее!» — «По одному сходим осторожно!» — «Ты, святоша, молись за нас!» — «Вы, ребята, первые успели!» — «А где киевские?» — «Не знаю, был от них Бронька, говорит — близко уже!» «Не так кладешь, перевернется!» — А на море благодать, ребята! Так бы и до Цареграда плыл!»

Из глубины острова выскакивает всадник, кричит зычно: «Дружины с верховых городов на подходе!» В ответ — радостные крики. К берегу причаливает еще один корабль.

26

Кустарник, мокрая трава, деревья в тумане. Кружками сидят понурые половецкие воины, переговариваются между собой, играют в кости, тихо ругают своих командиров: «Второй день в сырости сидим! Нет у Яруна головы, слушает русских, что ему скажут, то и делает!» В кустах бродят стреноженные кони.

Среди кустов, окруженный караулом, стоит шатер Яруна. Внутри без огня в кружок сидят сам хан и тысячники, молчат, не смотрят друг на друга, по-видимому, все слова уже сказаны.

Из кустов к палатке бежит половецкий воин, говорит какие-то слова стражнику, огибают его, согнувшись, втискивается внутрь: «Русские князья совещаются!» Ярун: «Я слышал. Больше ничего?» — «Нет». — «Долго. Корабли стоят, как стояли?» — «Да». — «Иди назад».

Вестовой бежит назад, по дороге чуть не сталкивается еще с одним воином. Тот, просунувшись в шатер, говорит: «Русские переправляются!» Ярун: «Все?» — «Пока не видно. Идут пять кораблей». — «Хорошо, возвращайся! (Пауза). Амбал, возьми две свои сотни, пешую и конную, подойди к краю кустов. Пеших поставь вперед, но не заходи на поле. А другую сотню спрячь за первой. И чтобы лошади не ржали! Потом, как сделаешь, пришлешь человека!»

Один из тысячников уходит, остальные вновь погружаются в оцепенение. Разгрузка русских кораблей на восточном берегу Днепра. Уже нет шуток, воины деловиты и даже немного злы. Одного за другим сводят коней на берег, вскакивают в седла, переговариваются между собой,

Туман, кусты, перед ними — равнина. Из кустов на поле внимательно смотрит половец в валяном сером колпаке. За ним еще двое с луками в руках. Медленной рысью по мокрой траве луговины скачет отряд русских человек в двести, тех, что выгружались с кораблей. Вот всадники остановились, начали разворачиваться в редкую цепь. Одни поворачивают коней налево, скачут к половецким дозорным, другие уходят дальше в туман. Внезапно в тумане возникает и нарастает гул. Из степи приближается темная масса кавалерии. Русские, еще не успев развернуться в цепь перекрикиваются, снова собираются в единую массу, теперь уже ближе к кустам. Воины выхватывают из чехлов луки. Один из них поднимает небольшое красное полотнище.

На не успевших еще собраться в кучу русских с визгом и криком летят две татарские сотни. Сначала они нацеливались в центр цепи, но теперь, когда сторожа отошли ближе к кустам, вынуждены повернуть. Вот уже полетели стрелы.

В момент, когда нападающие уже не могут отвернуть, из кустов выбегают гуськом десятки пеших половецких лучников и, путаясь в траве и в длиннополой одежде, отчаянно ругаясь, что есть силы бегут наперерез татарам так, чтобы те, налетев на русских, подставили бока под стрелы. За ними выезжает с диким воем половецкая конница, обгоняет свою пехоту, заворачивает для удара во фланг и тыл татарам. Пехотинцы, пробежав как можно быстрее метров сто, останавливаются и, развернувшись, дают в сторону татар два нестройных залпа. Не успевшая присоединиться к своим часть русских, что дальше других отъехала в степь, собралась в отдельный маленький отряд и теперь разгоняется для копейного удара. На все действие — 25—30 секунд.

От конницы татар отделяется группа (начальник и охрана) и пытаются уйти обратно в степь, скрыться за туманом. За ними немедленно гонятся легкоконные половцы. Через несколько секунд основная масса татар окружена. Большой русский отряд принял их удар в копыта, со всех сторон наваливаются половцы и русские. Злая сеча. Голливудская погоня половцев за убежавшими от боя татарами. С вершин степных курганов на эту гонку смотрят половецкие каменные бабы со страшными ликами. Татары еще раз разделяются в надежде запутать погоню между холмов. Однако и половцы так же разделяются. Гонка продолжается.

27

На Хортице — погрузка войска на корабли. За ней наблюдает с прибрежного холма группа князей в «цивильных» одеждах, в меховых шапочках-колпачках и в красных плащах. Немного поодаль — вооруженная охрана. Один из князей — Мстиславу Удалому:

— Что же твой Держикрай огня там не зажжет?

Мстислав: — Не знаю.

— У всех бояре нормальные, только у тебя какие-то очень умные.

Мстислав: — Не ищи ссоры, брат, уймись.

— Я не ищу ссоры, я пришел сюда, как и говорил. А из Большого Гнезда никого нет! А у них войска столько, сколько у всех нас, вместе взятых!

Мстислав молчит. Отвечает, как старший, Мстислав Киевский:

— Ты уже так говорил. Все в руках божиих. Будем уповать на него.— Киевский князь истово крестится. Остальные, скосив глаза — тоже.

Затем все с подчеркнутым театральным вниманием начинают рассматривать картину погрузки и восточный туманный берег реки.

От берега острова отчаливает одна ладья с воинами, за ней — другая. Суда на веслах выворачивают поперек реки, их сносит течение. В это время в туманной синеве противоположного берега мелькает огонек, пропадает, затем снова разгорается.

(Продолжение следует)

